

Лица, пропавшие без вести в результате войны: когда сталкиваются интересы семей жертв войны и международных трибуналов по расследованию военных преступлений?

ЭРИК СТОВЕР И РЕЙЧЕЛ ШИГЕКАНЕ*

*История округляет количество своих жертв.
Тысяча один становится тысячей —
так, словно одного никогда и не было*¹

Однажды знойным летним вечером 1999 г. Кевина Берри и возглавляемую им команду британских следователей вдруг окружила толпа возбужденных жителей деревушки на юго-западе Косово. Группа под руководством Берри была одной из более десятка групп судебных экспертов, направленных в Косово Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии (МУТЮ) для расследования серии кровавых преступлений, которые, по утверждению очевидцев, были совершены весной того года югославскими военными. Их миссия заключалась в том, чтобы определить, действовали ли преступники по определенной схеме, какие методы расправы с жертвами использовали, применялись ли одни и те же способы в разных местах и старались ли они как-то скрыть следы своих преступлений.

В течение шести жарких недель Берри и его команда при непосредственном участии жителей деревушки Мала Круса вели работы по розыску массовых захоронений и эксгумации трупов. Но однажды по деревне пронесся слух, что Берри и его команда уже собрали все необходимые им доказательства и собираются переезжать в другую деревню. «Это был напряженный момент», — вспоминает Берри. «В тот день мы получили приказ двигаться дальше, и об этом каким-то образом стало известно жителям деревни. Они испугались, что мы уедем, не закончив нашу работу»². Столкнувшись с кон-

* Эрик Стовер — руководитель Центра по защите прав человека и адъюнкт-профессор здравоохранения в Калифорнийском университете (Беркли). Рейчел Шигекане — старший сотрудник Центра по защите прав человека, преподаватель по вопросам мирных и конфликтных ситуаций.

фликтом интересов МУТЮ (который был заинтересован лишь в получении определенных доказательств имевших место преступлений) и местных жителей, Берри предпочел остаться в Мала Круса и закончить эксгумацию всех тел. «Жители деревни были правы», — сказал он позднее. «Они ждали, когда же останки их близких будут извлечены из земли. Уехать в такой ситуации было бы проявлением неуважения к ним».

Случай Кевина Берри с жителями Мала Круса наглядно демонстрирует (в течение последних десяти лет) противоречие интересов семей пропавших без вести интересам международных трибуналов по военным преступлениям, расследующих последствия массовых убийств. Внимание трибуналов привлечено исключительно к доказательствам этих преступлений и вследствие этого носит ограниченный характер. С одной стороны, имеются семьи, которые жаждут узнать о судьбе своих пропавших родственников, и в случае, если те погибли, получить их останки. Как отмечает представитель Аргентинской судебно-антропологической группы (АСАГ), участвовавшей за последние шестнадцать лет в работе по эксгумации трупов более чем в двадцати странах, «семьи погибших хотят получить останки своих родственников, чтобы иметь возможность похоронить их по своим обычаям и положить конец неопределенности относительно участи своих родных»³. Более того, в соответствии с Дополнительным протоколом I к Женевским конвенциям 1949 г., семьи имеют право знать о судьбе своих пропавших родственников⁴.

С другой стороны, существуют международные трибуналы по военным преступлениям, которые занимаются расследованием крупномасштабных преступлений и убийств. Им не хватает финансовых средств или политической воли для проведения судебных расследований, направленных на идентификацию всех погибших. Когда трибунал предъявляет обвинения в геноциде или преступлениях против человечности — двух наиболее гнусных из всех преступлений, со-

1 Wislawa Szymborska, «Hunger Camp at Jasko», Carolyn Forché (ed.), *Against Forgetting: Twentieth Century Poetry of Witness*, W.W. Norton, New York, 1993, p. 459.

2 Интервью у Кевина Берри брал один из авторов статьи (Стовер) на Национальном Общественном Радио (National Public Radio) в июле 1999 г. Также, см. Fred Abrahams, Gilles Peress and Eric Stover, *A Village Destroyed: May 14, 1999*, University of California Press, Berkeley, CA, 2002.

3 См. Mimi Doretti and Luis Fondebrider, «Science and human rights – Truth, justice, reparation and reconciliation: A long way in Third World countries», издание V. Buchli and L. Gavin, *Archaeologies of the Contemporary Past*, Routledge, London, 2001.

4 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных военных конфликтов от 8 июня 1977 г. (далее – Протокол I), ст. 32.

вершаемых при поддержке государства, — подозреваемым в массовых убийствах высокопоставленным преступникам, персональная идентификация жертв может не являться необходимой частью правового расследования. Обвинение в геноциде, например, требует наличия доказательств того, что подозреваемые преступники совершали свои действия с намерением «уничтожить, полностью или частично, какую-либо определенную национальную, этническую, расовую или религиозную группу»⁵. По существу, отдельные лица становились жертвами вследствие чисто субъективного их восприятия преступниками⁶. В данном случае основными целями судебного расследования являются установление принадлежности погибшего к определенной этнической, религиозной или расовой группе, а также выяснение причины и способа наступления смерти. После выявления таких параметров трибунал обычно передает останки местным судмедэкспертам для проведения более сложного процесса опознания личности каждой жертвы. Тем временем многие семьи продолжают оставаться в неведении относительно того, живы их пропавшие родственники или нет.

В идеале взаимоотношения между семьями пропавших без вести и международными трибуналами по военным преступлениям должны строиться на принципах взаимности, принося пользу как родственникам, так и судам, что на практике случается крайне редко. С момента создания двух специальных международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде в начале 90-х гг. только небольшая часть останков пропавших без вести была опознана и возвращена семьям для надлежащего захоронения. Причиной этому служит засекреченность информации о том, где и как преступники избавлялись от тел своих жертв, которая сильно затрудняет и порой делает невозможным извлечение тел без сотрудничества со стороны реальных участников этих преступлений, которые, по очевидным причинам, предпочитают оставаться неизвестными. В Руанде число погибших было настолько велико (по приблизительным оценкам — от 500 до 800 тыс.), что правительству страны и международному уголовному трибуналу по Руанде (МУТР) оказалось не под силу произвести крупномасштабное судебное расследование⁷. Наконец, несмотря на то что трибуналу МУТЮ удалось уста-

5 Конвенция о предотвращении преступления геноцида и наказании за него, 78 U.N.T.S. 277, принятая резолюцией 260 (III) А Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций от 9 декабря 1948 года, ст. 2.

6 См. William D. Haglund, «Recent mass graves: An introduction», в William D. Haglund and Marcell Sorg (eds), *Advances in Forensic Taphonomy*, CPR Press, New York, 2001, pp. 243–262.

7 См. *The Prosecutor v. Jean Kambanda : Judgment and Sentence*, International Criminal Tribunal for Rwanda, Case № ICTR 97-23-S, 4 September, 1998.

новить личность большинства погибших в местах, где происходили убийства менее широкого масштаба, было принято решение, продиктованное дефицитом средств, отказаться от долгосрочных проектов по идентификации тел в местах, где жертвы исчислялись тысячами.

В эпоху возрастающего внимания к международному уголовному правосудию и к ответственности за преступления необходимо разработать новую, более точную стратегию идентификации останков погибших в результате войны и обращения с ними, которая отвечала бы потребностям семей пропавших без вести и удовлетворяла правовым требованиям международных трибуналов, расследующих военные преступления. Целью настоящей статьи является внесение рациональных предложений по разработке такой стратегии.

Поиск пропавших без вести

Современная история изобилует примерами, когда Международный Комитет Красного Креста и другие гуманитарные организации, а также организации, контролирурующие соблюдение прав человека, оказывались бессильными перед военными начальниками и гражданскими лидерами, не исполняющими своих обязанностей, возложенных на них международным гуманитарным правом. Они препятствуют доступу к лицам, содержащимся под стражей, и к другим группам незащищенного населения. Один из таких случаев имел место летом 1992 г., когда руководители боснийских сербов неоднократно отказывали представителям Красного Креста в посещении трех концентрационных лагерей вблизи городка Приедор в центральной Боснии, где в нечеловеческих условиях содержались тысячи боснийских мусульман и боснийских хорватов⁸. Большинство этих людей были казнены без суда и следствия, а другие умерли под пытками или от голода⁹. Лагеря были закрыты только после того, как британское телевидение показало исто-

⁸ Только в одном из лагерей, Омарска, содержалось более 3 тыс. человек. См. *The Prosecutor v. Kvočka et al.: Judgment*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № ICTY IT-98-30/1, 2 November 2001, p. 8.

⁹ В судебном постановлении трибунала говорилось: «Мы имеем множество доказательств того, что ужасное обращение с пленными и нечеловеческие условия их содержания являлись в этих лагерях стандартной практикой (...). Много пленных погибло в результате их содержания в нечеловеческих условиях, а другие умерли из-за издевательств и пыток, применяемых к ним». См. *The Prosecutor v. Kvočka et al.: Judgment*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № ICTY IT-98-30/1, 2 November, 2001.

ценных пленников одного из них, вызвав тем самым бурю возмущения по всему миру¹⁰.

Другой случай произошел за семь месяцев до этого, 20 ноября 1991 г. Офицер Югославской Народной Армии (ЮНА), майор Веселин Сливачанин, запретил представителям МККК вступить на территорию госпиталя Вуковар в восточной Хорватии, где эвакуации ожидали сотни гражданских лиц¹¹. В то время пока представители МККК пытались получить у офицера ЮНА разрешение на вход в госпиталь, югославские войска вывезли из него 200 легко раненых солдат и сотрудников госпиталя и отвезли их на автобусах на ферму Овчара в девяти километрах южнее города. После наступления темноты солдаты заставили всех мужчин встать в свежерытую яму и открыли по ним огонь.

В октябре 1992 г., в основном в результате возникших подозрений о бесчинствах на ферме Овчара и о существовании так называемых «лагерей смерти» в центральной Боснии, Совет Безопасности ООН назначил экспертную комиссию по расследованию случаев массовых нарушений международного гуманитарного права в бывшей Югославии¹². В результате открывшихся в ходе расследования фактов Совет Безопасности ООН утвердил в мае 1993 г. в Гааге Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии¹³ и поручил ему провести там расследование имевших (по сообщениям) место военных преступлений, совершенных после распада Югославского государства. После массовых убийств, совершенных в Руанде представителями хуту, унесших жизни сотни тысяч людей в период с апреля по июль 1994 г., Совет Безопасности ООН в ноябре 1994 г. учредил второй специальный трибунал¹⁴. Этот Международный уголовный трибунал по Руанде, штаб-квартира которого находилась в Аруше (Танзания) был призван расследовать случаи воен-

10 Roy Gutman, «*Witness to Genocide*», Macmillan Publishing, New York, 1993, p. 63. Два лагеря, Омарска и Кератерм, были закрыты в августе 1992 г., а третий, Трнополье, – в октябре 1992 г.

11 См. Eric Stover and Gilles Peress, *The Graves: Srebrenica and Vukovar*, Scalo, Zurich, 1998, pp. 104–107.

12 См. *Final Report of the Commission of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 780 (1992)*, S/1994/674, от 27 мая 1994 года, и Annexes, S/1994/674/Add. 2 (Vol. I–V), 28 December 1994.

13 Резолюция Совета Безопасности 827, ООН SCOR, 48-я сессия, 3217-е заседание, документ ООН S/RES/827 (1993 г.).

14 Резолюция Совета Безопасности 955, ООН SCOR, 49-я сессия, 3453-е заседание, Annex, документ ООН S/RES/955 (1994 г.).

ных преступлений и геноцида в Руанде, имевшие место в ходе конфликта¹⁵. Для того чтобы собрать вещественные доказательства военных преступлений, трибуналами были организованы судебные подразделения, которые в своей работе опирались на результаты экспертиз, проведенных судебными представителями в ходе расследования насильственного исчезновения людей в Центральной и Южной Америке.

В начале 1970-х гг. журналистами и группами по защите прав человека для описания практики, использовавшейся для устранения как реальных, так и воображаемых противников правительственного режима в Латинской Америке, был впервые использован термин «*desaparecido*», или «исчезнувший». Но эти «исчезнувшие» на самом деле не исчезли. Многие из них были похищены, замучены пытками в специальных засекреченных центрах, а затем умерщвлены, а их обезображенные тела сброшены по обочинам дорог или захоронены в безымянных могилах.

Первое судебное расследование судеб «исчезнувших» было проведено в Аргентине вскоре после прихода в 1983 г. к власти нового гражданского правительства. Подготовленная американским судебным антропологом Клайдом Сноу группа студентов-медиков и археологов начала работу по установлению местонахождения более 10 тыс. человек, исчезнувших за время семилетнего военного режима, и документированию результатов своих исследований. Назвав себя Аргентинской судебнo-антропологической группой (АСАГ), юные ученые приступили к сбору доказательств, необходимых для привлечения к суду девяти членов военной хунты. Однако этой работой они занимались недолго: новое гражданское правительство, столкнувшись с рядом военных бунтов, в конце 1980-х гг. приняло серию законов, по которым почти все военные и полицейские были амнистированы. Тем не менее участники группы продолжали расследование, будучи глубоко убежденными в том, что семьи пропавших имеют право знать о судьбе своих родственников и возможность похоронить их¹⁶.

¹⁵ К октябрю 2002 г. на рассмотрении трибуналов по Руанде и Югославии находилось 108 отдельных случаев. Из них предъявлено 41 обвинение, по 35 из которых было вынесено обвинительное заключение. См. информацию Международного уголовного трибунала по Югославии на сайте <<http://www.un.org/icty/>> и информацию Международного уголовного трибунала по Руанде на сайте <<http://www.ictcr.org>>.

¹⁶ См. Christopher Joyce and Eric Stover, *Witnesses from the Grave: The Stories Bones Tell*, Little Brown, Inc., Boston, 1991, p. 215–305.

Сноу и его аргентинские коллеги продолжили обучение групп судебных экспертов в Чили и Гватемале в начале 1990-х гг. Образование судебной группы в Гватемале было обусловлено декларацией, подписанной в 1992 г. ассоциацией семей, требующих установления точных данных о сотнях тысяч людей, убитых во время 36-летней гражданской войны в Гватемале. «Мир не настанет в Гватемале, — заявляли семьи, — до тех пор, пока не будет выяснено местонахождение останков наших убитых родственников и они не будут похоронены в соответствии с христианскими обычаями»¹⁷.

Так же как и их аргентинские коллеги, гватемальская группа очень скоро пришла к выводу, что обнаруженные ими факты могут быть использованы в качестве доказательств только в небольшом количестве судебных разбирательств. Поэтому в дальнейшем они сконцентрировали свои усилия на эксгумации трупов, что отвечало интересам семей пропавших без вести. В первые дни работ по эксгумации члены семей толпились около могил. Сначала они неохотно шли на контакт с учеными. Члены судебной группы понимали, насколько важно позволить родственникам самим сделать первый шаг навстречу. В большинстве случаев через день или два группа женщин обязательно подходила ближе. Какая-нибудь вдова могла показать фотографию пропавшего мужа и вспомнить обстоятельства его исчезновения.

Очень часто не только семьи, но целые деревни в Гватемале приходили на места эксгумации. По утрам женщины из близлежащих деревень склонялись над могилами и молились за погибших. Днем они готовили еду для ученых, а добровольцы помогали вытаскивать из могил ведра с землей. Вечером деревенские мужчины возвращались с полей и помогали ученым накрывать разрытые ямы брезентом и уносили их лопаты и кирки назад в деревню. Такое общение было чрезвычайно важно для семей пропавших. Долгие годы, даже десятилетия, военные, полицейские и судебные органы отказывали им в малейшей информации об их родственниках. Теперь, в присутствии ученых, чьей единственной целью было узнать правду, родственники могли вновь обрести чувство уверенности и даже способствовать процессу поиска пропавших без вести близких.

Проводимый аргентинской и гватемальской группами, а также двумя американскими организациями — Американской ассоциацией содействия

¹⁷ Dawnie W. Steadman and William D. Haglund, «The anthropologist/archaeologist in international human rights investigations», доклад, представленный на ежегодном собрании Американской академии судебных экспертов в Сиэтле, штат Вашингтон, 19 февраля 2001 г.

науке и организацией «Врачи за права человека» — поиск пропавших без вести в середине 90-х гг. из Латинской Америки перекинулся и в другие части света. К 1999 г., обычно по просьбам не правительственных организаций, а организаций по защите прав человека и семьи, 97 судебных экспертов из 20 стран побывали в 32 странах с целью установления местонахождения пропавших и обучения местных специалистов технике откапывания массовых захоронений¹⁸. Благодаря съемкам со спутника ученые смогли получить карты, которые позволяли находить захоронения, спрятанные в самых отдаленных уголках. На смену используемой в археологии стандартной технике составления карт пришли электронные картографические системы, обеспечивающие экономию времени и получение более точных данных. Еще более важное значение имели новые разработки в области анализа ДНК, позволяющие отождествить даже те останки, которые не поддавались идентификации с помощью традиционных антропологических методик.

Правовые требования и необходимость вещественных доказательств для трибуналов по военным преступлениям

Впервые извлечение тел из массового захоронения под эгидой международных трибуналов по военным преступлениям в бывшей Югославии и Руанде было произведено на территории римской католической церкви в городке Кибуйе на западе Руанды в декабре 1995 г. Из 500 (приблизительно) тел, эксгумированных на территории церкви, удалось установить личность только 17 человек¹⁹. У шести при себе имелись документы, а на одиннадцати была одежда и другие личные вещи, по которым они были опознаны родственниками и знакомыми. Ни у кого из погибших не было рентгеновских снимков. Были найдены кровные родственники всего лишь двух жертв. Вскоре после эксгумации тел в Кибуйе данная программа была свернута. При отсутствии других попыток опознания умерших останки огромного числа жертв геноцида 1994 г., исчисляемых сотнями тысяч, до сих пор остаются неидентифицированными.

Тем временем в бывшей Югославии Обвинителем трибунала МУТЮ было инициировано первое расследование массовых захоронений весной 1996 г. Одним из пяти обследуемых мест оказалась яма на ферме Овчара, в

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. William D. Haglund, «Recent mass graves: An introduction», *op. cit.* (примечание 6), pp. 243–262.

которой, как полагали, находились останки 200 пациентов и сотрудников госпиталя Вуковар.

Захоронение в Овчаре

Расследование в Овчаре является показательным примером того, как работа судмедэкспертов может удовлетворять как интересам международного трибунала по расследованию военных преступлений, заключающимся в нахождении правовых и вещественных доказательств, так и интересам семей. По состоянию на октябрь 2002 г., в большой степени благодаря проведенному ДНК-анализу, было идентифицировано 184 жертвы Овчары, и их останки возвращены семьям для погребения²⁰. Такой относительно высокий показатель успешной идентификации тел можно отнести на счет прилагаемых правительством Хорватии усилий по установлению личности жертв в сочетании с тем фактом, что война оставила инфраструктуру Хорватии практически неповрежденной. Перед эксгумацией тел представители Обвинителя в течение четырех лет собирали различную информацию о жертвах; более того, правительство Хорватии построило современный, соответствующий последним требованиям морг при медицинской школе в Загребском университете исключительно для работы следователей прокуратуры. Правительство также выделило средства на обучение хорватских генетиков принципам анализа ДНК, чтобы они могли начать исследование останков тех тел, которые не удалось идентифицировать с помощью традиционных антропологических методов.

С правовой и судебной точек зрения, дело обвинения против четырех осужденных в преступлениях в Овчаре было довольно простым²¹. В случае с Овчарой, в отличие от последующих расследований в Боснии и Косово, расследовалось одно преступление — убийство 200 человек в одном месте. Вещественные доказательства этого преступления находились в одном массовом захоронении, которое осталось нетронутым с момента убийства. Обвинитель располагал показаниями многих свидетелей, которые могли подтвердить, что один из обвиняемых, на тот момент — майор армии Веселин Сливанчанин, приказал загнать пациентов в автобусы и отвезти их на ферму Овчара, где они

²⁰ Давор Стринович (из личных контактов), Институт судебной медицины и криминологии, Загреб, Хорватия, 11 октября, 2002 г.

²¹ См. *The Prosecutor of the Tribunal v. Mile Mrksic, Miroslav Radic, Veselin Sljivancanin, Slavko Dokmanovic*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № IT-95-13a-I, 2 December, 1997.

и приняли свою смерть. Другие свидетели, в большинстве своем те, кто выжил в этой кровавой бойне, могли свидетельствовать, что Сливанчанин и другие подсудимые — трое офицеров военных или военизированных подразделений — находились на ферме Овчара в день убийства.

Наконец, успешному завершению дела также способствовало сотрудничество и обмен информацией на самом высоком уровне между организациями родственников пропавших, Обвинителем и правительством Хорватии. Во время расследования следователи Обвинителя и хорватские судмедэксперты находили время на то, чтобы информировать родственников пропавших без вести о ходе расследования. Давор Стринович, хорватский судебный патологоанатом, который принял дело у следователей Обвинителя, был особенно внимателен к нуждам семей. «Общение с матерями представляло собой наиболее тяжелую часть моей работы, — сказал он позднее, — в течение почти пяти лет они ждали хотя бы каких-нибудь известий. Жив мой сын или мертв? Некоторые матери жили ожиданием чуда, ниспосланного Господом, которое могло бы сверхъестественным образом вернуть им детей. Но затем наступал день, когда тело было опознано, и мне приходилось сообщать об этом матери. Я старался делать это как можно в более мягкой форме, но слышать такое каждый раз нелегко. Все эти годы ожидания и надежд в мгновение ока рассыпались в прах»²².

Геноцид в Сребренице

В отличие от эксгумации в Овчаре, судебное расследование массового убийства в Сребренице и его результаты были менее утешительными для семей пропавших без вести. Находясь вдали от своих домов и деревень, пережившие трагедию люди жили в убогих лагерях для беженцев и центрах временного размещения в ожидании новостей о своих пропавших родственниках. Так как места массовых убийств находились на территории врага, они не могли наблюдать за эксгумацией, и, таким образом, прийти к осознанию, как бы трудно это ни было, что их близкие, вероятно, мертвы. Тот, кто отказывался думать так, питал какие-то надежды, неисполнение которых порождало гнев и негодование. При этом решения об участии и идентификации останков жертв в Сребренице принимались без какого-либо учета мнения семей погибших.

Массовые убийства в Сребренице начались вскоре после захвата 11 июля 1995 г. боснийскими сербскими силами (под командованием генерала Рат-

22 Davor Strenović, цитата из Eric Stover and Gilles Peress, *op. cit.* (примечание 11), pp. 210–211.

ко Младича) этого городка, расположенного на северо-востоке Боснии. Двамя годами ранее ООН объявила эту территорию «безопасной зоной» и ее население, большую часть которого составляли мусульмане, за годы войны увеличилось с 9 до 40 тыс. человек, большинство из которых были выселены из других районов Боснии в результате «этнической чистки». Когда войска Младича наводнили город, детей, женщин и пожилых людей приняли на базе ООН, в деревне Потокари, в двух километрах от города, где стоял голландский отряд миротворцев. Тем временем оставшиеся мужчины и мальчики, численностью от 10 до 15 тыс. человек, устремились через лес на территорию, контролируемую мусульманами, примерно в 40 милях от города. В течение следующих трех дней солдаты армии генерала Младича поймали, захватили в плен и уничтожили более семи с половиной тысяч мужчин и мальчиков, оставив их тела лежать на месте гибели или захоронив их в многочисленных могилах, разбросанных по горам. Женщины и дети, укрывшиеся на базе ООН, затем были переведены на территорию Боснии, контролируемую мусульманами, за пределами Тузлы. Обосновавшись во временных центрах размещения в разбитых наспех палатках, они начали ждать новостей о пропавших родственниках²³.

16 ноября 1995 г., через четыре месяца после падения анклава, главный обвинитель МУТЮ Ричард Голдстоун, предъявил дополнительные обвинения в геноциде генералу Младичу и его гражданскому начальнику Радовану Караджичу за планирование и исполнение кровавых убийств в Сребренице²⁴. Четырьмя месяцами ранее трибунал МУТЮ предъявил обвинение этим двум лицам в геноциде за участие в бомбардировках гражданского населения Сараево²⁵. В мае 1996 г., после весенней оттепели, Голдстоун поручил группе судмедэкспертов, собранной организацией «Врачи за права человека», начать раскопки четырех возможных массовых захоронений в горах в окрестностях Сребреницы. К концу 1996 г. ученые извлекли из земли около 517 тел и разрозненных фрагментов тел, произвели их вскрытие в полевом морге для определения причины и способа наступления смерти и тщательно сохранили доказательства преступлений — веревки, которыми связывались жертвы, и

23 Jan Willem Honig and Norbert Both, *Srebrenica: Record of a War*, Penguin Books, London, 1996, pp. 28–47.

24 См. *The Prosecutor v. Karadzic & Mladic: Indictment*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № ICTY IT-95-18, 16 November, 1995.

25 См. *The Prosecutor v. Karadzic & Mladic: Indictment*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № ICTY IT-95-5, 24 July, 1995.

повязки на глаза²⁶. Тела, ни одно из которых не было идентифицировано, затем были оставлены на попечение местных боснийских властей, которые из-за отсутствия средств для проведения опознания останков из Сребреницы поместили их в заброшенный туннель, прорытый в горах Тузлы. Фактически Обвинитель решил, что установление этнической принадлежности жертв, причины, и способа их смерти будет вполне достаточным для возбуждения дела по обвинению в геноциде главных виновников этих жестоких убийств и что идентификацию отдельных тел проводить не обязательно²⁷.

Тем временем люди, пережившие трагедию в Сребренице, продолжали настаивать на том, что их родственники живы. В центрах временного размещения стали распространяться слухи о том, что пропавшие мужчины чахнут в тюрьмах боснийских сербов или принудительно работают на рудниках в Сербии. Большинство из выживших в Сребренице женщин обвиняло мусульманские власти и ООН в неспособности защитить анклав и предотвратить гибель их мужчин. Митинги, проводимые членами семей из Сребреницы по поводу поиска пропавших, часто перерастали в серьезные столкновения. Наиболее опасный инцидент произошел 2 февраля 1996 г., когда сотни женщин штурмовали штаб-квартиру МККК в Тузле, требуя от организации предпринять более весомые действия по поиску их пропавших мужчин.

Сильнее всего женщины негодовали по поводу программы МККК по выдаче «свидетельств о смерти». После подписания Дейтонского договора о мире в декабре 1995 г. МККК в соответствии с его гуманитарной традицией помогать объединению семей, разлученных войной, была собрана информация более чем о 20 тыс. человек, которые исчезли с той или другой стороны во время войны в Боснии. Для подачи заявки близкие родственники пропавшего должны были сообщить его полное имя, имя и фамилию его отца, дату рождения, место рождения, дату и место, где жертву видели в последний раз. Затем эта информация посылалась соответствующим властям другой стороны. Все ответы несколько раз проверялись и сверялись с информацией, предоставленной женой и (или) другими свидетелями, которые могли присутствовать при исчезновении этого человека. Если представитель МККК на основании этой информации приходил к выводу, что данного человека уже

²⁶ См. Eric Stover and Gilles Peress, *op. cit.* (примечание 11).

²⁷ Laurie Vollen, «All that remains: Identifying the victims of the Srebrenica massacre», *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, Vol. 10, July 2001, pp. 336–340.

нет в живых, он выписывал «свидетельство о смерти» и отправлял его семье покойного. Такие документы помогали не только покончить с неизвестностью, в которой жили семьи погибших, но и получить различные льготы и пособия, например пенсию. Однако программа выдачи свидетельств о смерти вызывала и отрицательную реакцию: многие, хотя и не все, семьи не хотели принимать эту «смерть на бумаге». Они заявляли, что их пропавших родственников просто списали, что поиск мест содержания пропавших велся неэффективно и что информация не может заменить тел. Осенью 1997 г. программа МККК по выдаче свидетельств о смерти в Боснии была приостановлена²⁸.

В период с 1998 по 1999 гг. представители Обвинителя и местные боснийские следователи продолжали работу по извлечению из захоронений в горах Сребреницы тысяч тел и фрагментов тел. Тем временем организация «Врачи за права человека» продолжала собирать предсмертную информацию у родственников пропавших. Когда в туннеле больше не осталось места, останки стали складывать в контейнеры на стоянке для машин, что вызвало у членов семей еще больший гнев. Наконец, в 2000 г. Международной комиссией по поиску пропавших без вести, организованной указом президента Клинтона в 1996 г. с целью оказания поддержки семьям пропавших без вести людей по всей бывшей Югославии, было построено новое помещение под хранилище и морг для хранения останков жертв Сребреницы. Кроме того, Комиссия начала проводить грандиозную программу идентификации останков, извлеченных из захоронений в Сребренице и по всей территории бывшей Югославии, на основе ДНК-анализа²⁹.

На сегодняшний день, почти семь лет спустя после падения Сребреницы, идентифицировано более 500 жертв, что стало возможным во многом благодаря анализу ДНК³⁰. Несмотря на то что ДНК-тесты дали многообеща-

²⁸ В отчете *The Missing: ICRC Report* (Пропавшие без вести: Отчет МККК) (Краткое изложение заключений, вытекающих из анализа событий, произошедших до проведения Международной конференции правительственных и неправительственных экспертов в период с 19 по 21 февраля 2003 г.) говорится: «Одного свидетельства о смерти может быть недостаточно для того, чтобы родственники поверили в гибель пропавшего человека. Власти, выдающие эти свидетельства, несут такую же ответственность, как и МККК, когда он сообщает родственникам о смерти, за подлинность содержащейся в нем информации; в свидетельство должна быть включена информация о причине смерти и о возможности получения останков покойного».

²⁹ См. вебсайт Международной комиссии по поиску пропавших без вести <<http://www.ic-mp.org/icfact.asp>>.

³⁰ Edward Huffine (из личных контактов), Международная комиссия по поиску пропавших без вести, 29 сентября 2002 г. По словам Хаффина, общее число идентифицированных останков среди погибших в Сребренице к началу 2003 г. достигнет 1000.

ющие результаты, идентификация погибших в Сребренице оказалась более трудным делом, чем идентификация останков, эксгумированных из других массовых захоронений в Боснии и Хорватии. На самом деле, следователи, работающие в Сребренице, столкнулись со статистическими расхождениями данных. В отличие от захоронения в Овчаре, останки жертв в Сребренице были разбросаны на большой территории, у большинства из них отсутствовали документы, ювелирные украшения и другие вещи, которые могли бы помочь в установлении их личности. Тела лежали открыто и становились добычей животных, питающихся падалью, которые еще больше разбрасывали останки по округе. Для того чтобы скрыть следы преступлений, солдаты боснийских сербских сил с помощью землеройного оборудования извлекали тела из одних захоронений и перекладывали их в другие. В ходе этого процесса останки были дефрагментированы, перемешаны и раздроблены³¹. Вместо того чтобы привлечь другую международную организацию для проведения дальнейших процедур по опознанию останков жертв Сребреницы, Обвинитель предпочел передать останки местным судмедэкспертам, у которых не было ни необходимых средств, ни опыта для эффективного выполнения работ подобного рода, вследствие чего процесс опознания растянулся на долгие годы.

Широкомасштабные массовые убийства и ответственность за них командования в Косово

Следующее крупномасштабное судебное расследование военных преступлений в бывшей Югославии было начато Обвинителем в середине июня 1999 г., через несколько дней после входа в раздираемое войной Косово танков НАТО. В течение следующих трех месяцев Обвинитель привлек для проведения судебных расследований военных преступлений более 300 судмедэкспертов из 14 стран данного и других регионов. Это расследование вскоре превратилось в крупнейшее в истории судебное расследование не только военных, но и, возможно, любых других преступлений. Группы своих сотрудников послали Скотланд-Ярд, Канадская королевская конная полиция, ФБР, а также полицейские подразделения Германии, Дании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Швейцарии. Команда ФБР, состоящая из 64 человек и привезшая с собой оборудование весом 107 тыс. фунтов (48 534 кг), приехала в сопро-

³¹ Свидетельские показания Вильяма Хаглунда, *The Prosecutor v. Krstic*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № ICTY IT-98-33, 29 May 1999, Т. 3722.

вождении хорошо вооруженных бойцов команды по освобождению заложников для обеспечения безопасности на месте.

Группам судебных экспертов было дано задание собрать вещественные доказательства в поддержку обвинения МУТЮ, выдвинутого им против президента Югославии Слободана Милошевича и четырех высших военных и гражданских чинов 24 мая 1999 г. Пяти соподсудимым было предъявлено обвинение в преступлениях против человечности и нарушениях законов войны путем «планирования, провоцирования, руководства, совершения и содействия различными способами кампании террора и насилия, проводимой против албанского гражданского населения в Косово, в Федеральной Республике Югославии»³². В основе предъявленного трибуналом обвинения лежал подробный отчет о массовых расправах, учиненных Югославскими военными силами против мирных жителей в семи деревнях и городах провинции.

Наиболее серьезным обвинением против Милошевича и его соподсудимых были «преступления против человечности»³³. Это понятие впервые было использовано во вступительной части Гаагской конвенции 1907 г., систематизировавшей обычные законы вооруженного конфликта. В 1915 г. в преступлениях против человечности Антантой была обвинена Османская империя. Тридцать лет спустя, в 1945 г., этот термин был вновь использован Соединенными Штатами и их союзниками по Нюрнбергскому договору³⁴, который послужил сводом законов для предъявления обвинений нацистским руководителям после Второй мировой войны. Преступления против человечности охватывают широкий диапазон самых гнусных деяний — массовые убийства, уничтожение, порабощение, депортация, насилие, пытки, совершаемые в крупных масштабах против мирных граждан.

В то время когда Милошевичу и его соподсудимым предъявляли серьезные обвинения за их преступления в Косово, грозящие им пожизненным заключением, судебных следователей Обвинителя ожидала серьезная исследовательская работа. Им необходимо было доказать и предоставить неоспо-

³² *The Prosecutor v. Milosevic et al.: Indictment*, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Case № ICTY IT-02-54, 24 May 1999, para. 90.

³³ Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, принятый резолюцией Совета безопасности ООН 827 от 25 мая 1993 г., ст. 5.

³⁴ Устав Международного военного трибунала, организованного по Лондонскому соглашению в отношении преследования и наказания главных военных преступников стран европейской оси от 8 августа 1945 г., ст. 6(с).

римые свидетельства того, что совершенные югославскими военными силами преступления в деревнях и городах провинции Косово были не просто отдельными актами насилия, а хорошо спланированными, *широкомасштабными* и *систематическими* операциями. Как и в случае со Сребреницей, следователям не нужно было идентифицировать каждую жертву. Им необходимо было установить, принадлежали ли жертвы к числу гражданского населения и совпадал ли способ убийства со способом, используемым в других семи деревнях и городах, перечисленных в обвинении.

«За отсутствием прямых свидетельств о наличии плана массового убийства этих людей, — сказал помощник Обвинителя Грэм Блуитт в июле 1999 г., — нам приходится полагаться на косвенные доказательства. Поэтому нам важно доказать одинаковость схемы исполнения убийств. Нам необходимо продемонстрировать, что тактика, использованная югославскими войсками, полицией и военизированными подразделениями, скажем, в деревне А, полностью аналогична тактике, примененной в деревне В примерно в это же время, а затем, использованной еще раз в деревнях С и D. Нам нет необходимости доказывать каждое отдельное убийство или каждый отдельный случай массового истребления мирных жителей, нам лишь нужно выбрать один пример, на котором мы бы могли доказать систему, которая применялась для убийства и уничтожения мирного населения»³⁵.

Самой трудной задачей для Блуитта в Косово, так же как это происходило в Овчаре и Сребренице, было установить «ответственность командования» — другим словами, доказать, что Милошевич и обвиняемые вместе с ним преступники либо отдавали приказы о проведении этих операций, либо, зная о совершении этих преступлений, не предпринимали никаких мер для их предотвращения³⁶. Для установления порядка подчинения в Косово требовалось собрать свидетельские показания косовских албанцев, которые стали свидетелями военных преступлений в семи деревнях и городах, названных в обвинении. Кроме того, необходимо было получить такие документальные свидетельства, как приказы на развертывание военных действий, принятые на встречах высокого уровня, директивы, а также данные разведки о перехвате телефон-

³⁵ Graham Blewitt, в Abrahams, Peress and Stover, *op. cit.* (примечание 2), p. 75.

³⁶ Принцип, провозглашающий ответственность командиров, вытекает из принципа индивидуальной ответственности за преступления, применяемого трибуналами в Нюрнберге и Токио. Он был подробно изложен в ст. 86 (2) Протокола I.

ных переговоров, которые бы убедительно продемонстрировали наличие систематического плана, разработанного и внедренного на уровне высшего командования с целью убийства и терроризирования мирных граждан в этих семи населенных пунктах. Наконец, установление доказательств ответственности командования за совершенные им преступления требовало от судебных экспертов проведения широкомасштабной работы по эксгумации массовых захоронений в этих местах с целью определения способа убийства жертв и методов избавления от тел. «Что касается нашей цели в судебной области, — сказал Блуитт в июле 1999 г., — она не заключается в установлении личности каждой отдельной жертвы. У нас просто нет средств на выполнение этой задачи». По сути дела, судебные эксперты работали в Косово только с целью подкрепления свидетельских показаний и получения документальных доказательств путем идентификации некоторых из жертв массовых убийств, определения способа их убийства и демонстрации систематического и массового характера убийств, на основании чего можно было сделать вывод о наличии тщательно спланированной и подготовленной на высшем уровне операции.

Сосредоточив свое внимание исключительно на получении документальных свидетельств, группа судебных экспертов Обвинителя, за несколькими исключениями, не проводила формальные процедуры сбора предсмертной информации у родственников пропавших. Судебные эксперты также не брали на анализ образцы костей и зубов эксгумированных останков для последующего анализа ДНК. Кроме того, группы судебных экспертов должны были обследовать за короткое время как можно больше мест захоронений жертв массовых убийств и сообщить о найденных фактах в Гаагу. Все это поставило следователей в трудное положение по отношению к местным жителям, которые с нетерпением ожидали эксгумации и идентификации останков их родственников.

Сегодня, почти четыре года спустя после окончания войны, из массовых захоронений в провинции Косово было извлечено около 4500 тел³⁷. Половина из них идентифицирована³⁸. Некоторые останки были идентифицированы еще благодаря усилиям МУТЮ сразу же после войны. Однако

37 Следователи МУТЮ наблюдали также за эксгумацией останков сотен косовских албанцев, убитых югославскими военными во время войны в Косово, позже перевезенных в Сербию и захороненных в секретных могилах.

38 Хосе-Пабло Барайбар, директор, управление по поиску пропавших без вести и судебной экспертизе, Миссия ООН по делам Временной администрации в Косово (МООНВАК), сообщение для прессы, Приштина, Косово, 29 сентября, 2002 г.

большинство жертв было опознано местными и международными группами экспертов, работающих исключительно в рамках гуманитарных программ. Множество тел, первоначально обследованных судебными экспертами МУТЮ, так и не удалось идентифицировать, и они затем были перезахоронены без каких-либо опознавательных знаков. Это создало дополнительные проблемы командам судебных экспертов, работающих с Миссией ООН по делам Временной администрации в Косово (МООНВАК) и Международной комиссии по поиску пропавших без вести, которые затем повторно эксгумировали тела с целью их идентификации. В сентябре 2002 г. Комиссия организовала крупномасштабный процесс идентификации тел на основании анализа ДНК, схожий с программой, проводившейся в Боснии³⁹. В то же время родственники пропавших устраивали митинги протеста и голодовки по всему Косово, требуя ускорить процесс идентификации погибших.

Гуманитарные потребности семей

Никто никогда не проводил глобальных исследований среди представителей разных культур с целью выявления влияния исчезновения людей на психику их родственников. Однако эпизодические свидетельства и исследования, относящиеся к отдельно взятым странам, показывают, что родственники пропавших могут переживать «продолжительный шок» в результате «страданий и боли, вызванных отсутствием любимого человека»⁴⁰. Не имея останков своих родственников, семьи находились в состоянии неопределенности, разрываемые между надеждой и отчаянием, неспособные вернуться в прошлое или строить планы на будущее⁴¹.

Не видя тела погибшего и без обряда похорон родственники пропавших просто не в состоянии представить себе, что их любимые умерли, и принять их смерть как реальный факт. Они также лишены возможности выполнения своих религиозных и общественных обязанностей перед мертвыми. На похоронах живущие выражают свои эмоции по отношению к покойному,

³⁹ Сообщение для прессы, МООНВАК, Приштина, Косово, 24 сентября 2002 г.

⁴⁰ Amnesty International, «Disappearances»: A Workbook, Amnesty International USA Publications, New York, 1981, p. 109. См. также Gregory J. Quirk and Leonel Casco, «Stress disorders of families of the disappeared: A controlled study in Honduras», *Social Science and Medicine*, Vol. 39, № 12, 1994, pp. 1675–1679.

⁴¹ См. Pauline Boss, *Ambiguous Loss: Learning to Live with Unresolved Grief*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1999.

будь то проявление уважения или горечи утраты. В некоторых культурах и религиозных группах ритуал похорон проводится как бы для покойных, но он необходим и живущим, являясь механизмом, помогающим им вернуться в социальную среду, в которой из-за смерти близкого человека им было трудно находиться. Боснийские мусульмане, например, воспринимают тяжелую утрату как опыт, которым следует делиться и который укрепляет единство семьи и общества. В течение дней и недель после похорон женщины и мужчины читают по отдельности, а иногда и вместе, молитвы, *тевхиды*, по ушедшим. Наиболее важным аспектом *тевхида* для обычной боснийской мусульманской женщины, по словам антрополога Тоне Бринга, «является выполнение ее обязанностей по заботе о душевном спокойствии усопших, с которыми в ее семье были тесные социальные взаимоотношения, будь то родственники, соседи или друзья»⁴². Для переживших трагедию Сребреницы, и особенно для женщин, отсутствие тел погибших лишало их возможности совершения ритуального обряда и даже визуальной информации, которая бы помогла им принять смерть любимых людей и скорбеть о них в полной мере.

Собираясь вместе на *тевхиде*, чтобы читать молитвы, поминать трапезой и разговаривать, соседи, друзья и родственники покойного делятся своей личной потерей с обществом. В исследовании, посвященном теме перезахоронения костей времен Второй мировой войны в Югославии, Катарина Вердери пришла к выводу, что «похороны и повторные похороны способствуют как созданию, так и реорганизации сообщества»⁴³. Эти ритуалы объединяют людей в сообщество скорбящих, в котором за едой и общением друг с другом каждый думает, что он имеет «некую связь с покойным». Объединенные на похоронах общей скорбью, люди испытывают чувство, что они не одиноки в своем горе.

Опыт некоторых стран позволяет сделать предположение о том, что вовлечение членов семей в роль наблюдателей за ходом эксгумаций может дать положительные результаты, особенно если они сами становятся свидетелями не только профессионализма ученых, но и заботы последних по отношению к покойным⁴⁴. Привлечение членов семей к сбору предсмертной инфор-

⁴² См. Tone Bringa, *Being Muslim the Bosnian Way: Identity and Community in a Central Bosnian Village*, Princeton University Press, Princeton, N.J., 1995, p. 194.

⁴³ Katherine Verdery, *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*, Columbia University Press, New York, 1999, pp. 107–108.

⁴⁴ См. Doretti and Fondebriider, *op cit.* (примечание 3).

мазии с целью идентификации покойных (например, медицинских карт и рентгеновских снимков) помогает частично облегчить чувство беспомощности и вины за то, что семьи больше не могут ничего сделать для поиска пропавшего родственника. Эксгумации могут стать памятным событием, облегчающим траурный обряд. При проведении под эгидой местных или международных организаций эксгумации могут помочь отдельным скорбящим и целым сообществам получить подтверждение их потери и получить возможность проведения траурных церемоний⁴⁵. Присутствие членов семей на эксгумации может также напомнить судмедэкспертам о том значении, которое имеет для разных людей выполняемая ими работа⁴⁶.

Согласно исследованиям «Амани Траст», зимбабвийской организации по правам человека, множество членов семей пропавших в западной провинции Матабеланд пережили тяжелейшие психологические страдания, потому что они не могли похоронить своих погибших и скорбеть по ним в соответствии с местными традициями. В культуре Ндебеле дух покойного играет значительную роль в благополучии живых, а те, кто не был предан земле в соответствии с местными обрядами, могут вернуться как «беспокойные и мстительные духи, невиновные, но оскорбленные и опасные для живых»⁴⁷. Для того чтобы дух предков смог выполнить свое истинное предназначение по защите семьи, ему следует устроить почетные похороны, после которых необходимо выполнить традиционный ритуал «*умбуйисо*». Зимой, примерно через год после первых похорон, старейшины семьи приводят козу к могиле покойного, чтобы его или ее дух забрался на спину животного. Затем дух перемещается в дом семьи, где он проходит ритуал представления живым, и чувствуется как ее предок. При этом считается, что душа покойного возвращается из небытия и остается в доме, чтобы отдохнуть и присматривать за живущими.

⁴⁵ Harvey M. Weinstein, «Where there is no body: Trauma and bereavement in communities coping with the aftermath of mass violence» – доклад, представленный на семинаре МККК по поддержке семей пропавших без вести, в Женеве, Швейцария, 10–11 июня, 2002 г.

⁴⁶ Luis Fondevbrider, «Reflections of the scientific documentation of human rights violations», доклад, представленный на семинаре МККК по поискам останков: закон, политика и этика, Женева, Швейцария, 23–24 мая, 2002 г.

⁴⁷ См. Sharl Eppel, «Healing the dead to transform the living: The preventive implications» – доклад, представленный на международном семинаре по пыткам и организованным актам насилия в XXI в., проходившем 24–26 января, 2001 г. в Копенгагене, Дания.

В отличие от эксгумаций, проводимых специальными уголовными трибуналами, которые руководствуются только правовыми аспектами, организация «Амани Траст» проводила эксгумацию и повторные похороны исключительно в интересах семей пропавших. «Наша работа не заключается в эксгумации сотен или тысяч трупов за короткий промежуток времени, — пишет Шэри Эппел. — Мы больше сосредоточены на эксгумации нескольких захоронений и тесной работе с семьями и сообществами в течение нескольких лет для того, чтобы лучше понять, как процесс эксгумации и повторного захоронения может изменить жизнь семей и восстановить их социальное положение» в ситуации разгула политического насилия⁴⁸. Например, в пяти близлежащих деревнях, где организация «Амани Траст» работала в течение последних четырех лет, сбор предсмертной информации о покойных среди членов семей использовался для проведения неформальной «терапии через предоставление информации». Для того чтобы вызвать на откровенность и провести беседу, способную принести результаты, сотрудникам «Амани» приходилось посещать семьи многократно. Сотрудники организации «Амани» морально подготавливают членов семей к результатам эксгумации, включая реальную возможность того, что останки покойного могут быть не найдены или что в ходе вскрытия трупа обнаружится, что покойный перенес тяжелые физические страдания перед смертью.

Некоторые люди, семьи и целые сообщества в послевоенное время находят процесс идентификации покойных очень болезненным, особенно если этот процесс растягивается на несколько лет. А бывают обстоятельства, которые затрудняют проведение индивидуальной идентификации тел. Например, многие из выживших в трагедии в Сребренице считают, что сооружение памятника жертвам или могилы неизвестного солдата имеет более важное значение, чем идентификация тел. В 2000 г. усилиями переживших трагедию на месте массовых убийств был воздвигнут мемориал в память о погибших. Активное участие в выборе места, планировании и конструировании мемориала давало выжившим возможность почувствовать, что они в состоянии справиться со своими тяготами, и вместе с тем они получали возможность излить чувство скорби, чего были лишены в течение многих лет.

Все эти факты свидетельствуют о том, что семьи имеют «право не только знать судьбу» своих близких, но должны активно вовлекаться в правовой и

гуманитарный поиск, участвовать в эксгумациях, перезахоронении покойных и создании памятников в их честь⁴⁹.

Интеграция гуманитарных и правовых интересов

Начало XXI века отмечено ростом числа вооруженных конфликтов и их особой жесточечностью. В различных частях света в настоящее время полыхает более пятидесяти войн, а ситуации в десятках горячих точек могут в любой момент перерасти в вооруженные конфликты. Тем временем международное сообщество наконец всерьез принялось за выполнение своих обязательств по преследованию в судебном порядке военных преступников⁵⁰. Это, в свою очередь, связано с необходимостью привлечения большего числа судмедэкспертов для проведения расследований по заявлениям о военных преступлениях и нарушениях прав человека по всему миру. В отчете за 2000 г. Верховный комиссар Управления ООН по правам человека подчеркнул, что растущее число национальных конфликтов, характеризующихся грубыми и массовыми нарушениями прав человека, вызывает необходимость обращения к помощи судебных экспертов для идентификации жертв⁵¹. В связи с этим было образовано девять групп судебных экспертов и программ в рамках неправительственных организаций, занимающихся медицинским и правовым расследованием

⁴⁹ Психологи, работающие с пережившими трагедию людьми, уже давно установили тот факт, что действенность личных усилий является основополагающим фактором в восстановлении душевного равновесия. Джудит Херман говорит, что при восстановлении после полученной душевной травмы «никакие процессы, проходящие вдали от пережившего травму человека, не смогут ускорить его выздоровление, даже несмотря на то, что они будут в высшей степени служить его насущным интересам». См. Judith Herman, *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence from Domestic Abuse to Political Terror*, Basic Books, New York, 1992, p. 134. Еще один способ изучения данного феномена состоит в применении гипотезы «контролирования своей собственной судьбы», разработанной Леонардом Саймом, утверждавшем, что контроль над собственной судьбой подразумевает возможность «влиять на события, вторгающиеся в наши жизни». Согласно исследованиям Сайма, чувство, что человек контролирует происходящие в его собственной жизни события, благоприятно влияет на его здоровье. См. S. Leonard Syme, «Social and economic disparities in health: Thoughts about intervention», *The Millbank Quarterly*, Vol. 76, 1998, pp. 493–505.

⁵⁰ Кроме двух специальных международных уголовных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, был создан постоянный Международный уголовный суд, в задачу которого входит привлечение к уголовной ответственности преступников, обвиняемых в совершении военных преступлений, преступлений против человечности и геноциде. Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (вступивший в силу с 1 июля 2002 г.) см. на сайте <<http://www.un.org/law/icc/statute/.htm>>.

⁵¹ Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, E/CN.4/2002/67, 21 января, 2000 г.

нарушений права прав человека, гуманитарного права. Комиссия по правам человека ООН также составила список из 487 судебных экспертов, которые могли бы быть полезны для установления фактов нарушения прав человека⁵².

По мере вовлечения в выполнение этой задачи все большего числа судмедэкспертов стала очевидной необходимость разработки научных и этических стандартов и протоколов проведения эксгумации и посмертного обследования останков пропавших. Такие рекомендации должны обеспечивать проведение расследований судебных пропавших с учетом интересов семей, а также привлечение к суду ответственных за эти преступления лиц. После года консультаций с судмедэкспертами, военными, юристами и представителями семей и организаций по правам человека МККК призвал судебных экспертов, работа которых связана с пропавшими без вести лицами, проявлять не только высокий уровень профессионализма и соблюдать все научные стандарты, но и проявлять гуманность и внимание по отношению к семьям погибших. Судмедэксперты, утверждает МККК, должны также:

- быть квалифицированными и компетентными в процессе эксгумации и проведении посмертных обследований останков пропавших;
- способствовать процессу идентификации покойных, осмотра, регистрации всех сцен преступлений, а также посмертной информации, потенциально важной для идентификации;
- не уничтожать материал, который может потребоваться для целей идентификации в будущем;
- соблюдать права и интересы семей до, во время и после эксгумации;
- знать соответствующие положения международного гуманитарного права и прав человека и обеспечивать их изучение в ходе проведения программ подготовки судмедэкспертов;
- соблюдать этические нормы в ходе работы.

Основопологающая идея в данном случае заключается в осознании судмедэкспертами своих обязанностей перед судебными и правовыми организациями, которые пользуются их услугами, и семьями пропавших без вести.

⁵² Там же. ООН также выпустила два документа – Руководство по эффективному предупреждению и расследованию незаконных, произвольных и суммарных казней и Руководящие принципы по проведению ООН расследований заявлений о массовых убийствах, где устанавливались стандартные процедуры и правила расследования военных преступлений и нарушений права прав человека.

МККК также рекомендует создать для работы по поиску пропавших без вести людей интернациональную сеть судебных экспертов⁵³. Такая сеть должна руководствоваться принципом, что «идентификация в целях информирования семьи и возвращение ей останков остается *такой же важной* частью расследования, как и предоставление доказательств, и составляет основу прав семей (курсив автора)». Кроме всего прочего, данная сеть должна разрабатывать и распространять рабочие стандарты и кодексы этического поведения; выдавать аккредитации лабораториям на выполнение анализа ДНК; помогать обучать местных и региональных судмедэкспертов, которые знают, как вести себя в рамках местных культурных обычаев и традиций; лоббировать в правительстве работы по проведению судмедэкспертизы и выделение материальных ресурсов для выполнения работ на национальном и международном уровнях; высказываться в защиту судебных экспертов, которые подвергаются преследованиям за свою профессиональную деятельность, и разрабатывать механизмы для проведения бесед с целью психологической разгрузки судебных экспертов и оказания им психологической поддержки.

С нашей точки зрения, такая сеть должна скорее характеризоваться как «включающая», чем как «исключающая». В правление должны входить судебные эксперты, а также представители семей, организаций по защите прав человека и гуманитарных организаций, юристы, которые работали со специальными трибуналами по военным преступлениям; антропологи, знакомые с ритуалами похорон и траурными церемониями в разных культурах по всему миру, и психиатры, имеющие опыт работы с пациентами, пережившими ужасы войны. Такая сеть должна помогать, а не навязывать. При этом поиск пропавших не должен интернационализироваться до такой степени, чтобы подрывать возможности местных правительственных и неправительственных организаций по выработке соответствующих стратегий по решению исключительно местных проблем. Сеть должна способствовать тому, чтобы семьи пропавших и организации, их представляющие, могли иметь свой голос в процессе судебного расследования, направленного на установление судеб пропавших.

Заключение

Зимой 1984 г., перед тем как отправиться в свою первую поездку в Аргентину с целью расследования судеб «исчезнувших», американский антро-

53 *The Missing: ICRC Report, op cit.* (примечание 28), p. 65.

полог Клайд Сноу обратился к собранию ученых в Нью-Йорке со следующими словами: «Из всех форм убийства самыми чудовищными являются массовые убийства, совершенные государством (...). Возможно, настала пора судмедэкспертам всего мира (...) «начать охоту за крупной дичью»»⁵⁴. Восемнадцать лет спустя Сноу и его коллеги смогли с гордостью оценить вклад, внесенный ими в международное правосудие и установление правопорядка во всем мире. Свидетельства, столь старательно собранные этими судебными экспертами, помогли отправить за решетку десятки военных преступников и нарушителей права прав человека. С помощью анализа ДНК они также помогли бесчисленному количеству семей и сообществ узнать судьбу пропавших без вести и похоронить их в соответствии с принятыми обычаями.

Несмотря на видимый прогресс, сегодня, в эпоху разгула насилия в мире, следует приложить все силы к тому, чтобы необходимость свершения правосудия не подменяла собой наши обязанности перед живущими. Судебные эксперты должны продолжать выступать от имени мертвых, но при этом они не должны забывать об интересах и правах людей, переживших трагедию, которые также имеют право рассчитывать на справедливость правосудия.

54 Clyde Snow – выдержка из Joyce and Stover, *op cit.* (примечание 16), p. 217.